

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 12

Москва
2012

Содержание

Философская этика и ее перспективы в современном мире (Круглый стол к 10-летию ежегодника «Этическая мысль»: А.А. Гусейнов, А.В. Разин, А.И. Бродский, В.О. Лобовиков, Р.Г. Апресян, М.Л. Гельфонд)	5
--	---

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЭВИДА ЮМА

<i>Апресян Р.Г.</i> Смысл морали в этике Дэвида Юма.....	72
<i>Артемьева О.В.</i> К вопросу о природе морали в философии Дэвида Юма.....	104
<i>Максимов Л.В.</i> «Гильотина Юма»: pro et contra	124
<i>Сычев А.А.</i> «Гильотина Юма» в контексте институционального подхода Дж.Р.Сёрля	143
<i>Разин А.В.</i> Дэвид Юм и идея эмоционального резонанса в этике	157
<i>Зубец О.П.</i> Понятие гордости у Юма: моральная субъектность как источник идентичности Я	169
<i>Прокофьев А.В.</i> Между естественным и искусственным: нормативное содержание и психологические механизмы этики справедливости у Д.Юма и А.Смита	193
<i>Рогожа М.М.</i> Дэвид Юм о принципах морали гражданского общества	231
<i>Глухман В.</i> Идея человеколюбия в этике Дэвида Юма	245
<i>Аванесов С.С.</i> Суицид и радикальное самоопределение субъекта у Дэвида Юма.....	259
Резюме.....	274
Summary	279
Об авторах.....	283

А.А. Сычев

«Гильотина Юма» в контексте институционального подхода Дж. Р. Сёрля

Принцип, известный как «гильотина Юма», обычно трактуется как запрет на переход от дескриптивных посылок к выводам оценочного характера (от «есть» к «должен») в отсутствие дополнительных оценочных посылок. Поскольку этот вопрос тесным образом связан с проблемой обоснования морали, в истории этики представлены многочисленные попытки поставить принцип Юма под сомнение, демонстрируя, что из «есть» можно вывести «должен» без нарушения законов логики.

Большинство исследователей (в особенности представителей аналитической философии) с той или иной позиции затрагивали этот вопрос в своих работах, а некоторые посвятили ему отдельные исследования. Определенный резонанс в научных кругах вызвали статьи А.Макинтайра («Юм о “есть” и “должен”», 1959), Г.Хантера («Юм о “есть” и “должен”», 1963), А.Гевирта («Решение проблемы “есть – должен”», 1974) и др. Важным этапом в истории изучения вопроса стал сборник под редакцией У.Д.Хадсона («Проблема “есть – должен”», 1969), где были опубликованы статьи Р.Хэара, Г.Э.М.Энском, А.Флу и др.

Пик исследований, посвященных проблеме «гильотины Юма», пришелся на 1960-е годы. В конце XX – начале XXI в., когда фокус этических исследований сместился от метаэтических проблем к прикладным вопросам, интерес философов к этой проблеме значительно снизился, что отразилось на количестве публикаций. В ряду работ последних лет можно отметить, пожалуй, лишь научно-популярную книгу С.Харриса («Моральный ландшафт: о

способности науки определять человеческие ценности», 2010). Эта книга вызвала всплеск интереса к проблеме, однако дискуссия по ее поводу свелась, по большей части, к критике небезупречной авторской аргументации.

Самой известной и наиболее подробно разработанной попыткой преодоления ограничений, установленных «гильотиной Юма», является институциональная концепция американского философа Джона Роджерса Сёрля. Свой вариант решения проблемы перехода от описания фактов к долженствованию был предложен им в статье, озаглавленной «Как вывести “должен” из “есть”» (1964). Центральные ее положения получили дальнейшую разработку и в других работах Сёрля, среди которых «Речевые акты» (1969), «Конструирование социальной реальности» (1995), «Создание социального мира: структура человеческой цивилизации» (2010) и др.

В начале своего анализа Сёрль отталкивается от идеи Г.Э.М.Энском, предлагавшей отграничивать моральные факты, существующие, по ее мнению, только в установках людей, от так называемых грубых фактов (*brute facts*)¹. Сёрль полагает, что грубые факты – это такие факты, которые не зависят от человеческих институтов. Таковы, например, физические факты, которые устанавливаются на основе эмпирических наблюдений и оформляются в форме высказываний естественнонаучного характера – скажем, «угол падения равен углу отражения» или «атом водорода имеет один электрон». Однако существует большой класс фактов, которые невозможно объяснить в терминах простых физических взаимодействий, но которые при этом вполне объективны (то есть не являются выражениями чувств, эмоций или мнений). Такие факты, названные Сёрлем «институциональными», относятся не к природной, а к социальной реальности и предполагают существование определенных институтов как систем конституирующих правил. Конституирующие правила (в отличие от правил сугубо регулирующих) создают формы деятельности, которые вне этих правил не могут существовать. Например, игра в шахматы не может существовать вне правил, конституирующих ее (в то время как потребление пищи может существовать и без правил этикета, регулирующих это потребление).

¹ См.: *Anscombe G.E.M. On Brute facts // Analysis. 1958. № 18. P. 69–72.*

С точки зрения правил, конституирующих игру в шахматы, определенный ход игрока приводит к тому, что он ставит сопернику мат и выигрывает. Если мы будем рассматривать этот ход без учета всего института игры в шахматы, мы увидим в нем лишь грубый факт – физическое передвижение фигуры на доске. Точно так же то, что с институциональной точки зрения считается денежной банкнотой, с точки зрения грубых фактов является лишь прямоугольным листом бумаги с нанесенной на него краской. Признание этого листа банкнотой предполагает наличие ряда экономических институтов, благодаря которым деньги получают соответствующий статус и определенные функции. Многие высказывания, такие, как «"Динамо" выиграл у "Тоттенхэма"», «Парламент принял новый закон» или «Президент подал в отставку» и т. д. имеют смысл только при условии существования институтов игры в футбол, права и президентства.

Институциональные факты подразумевают наличие институтов, а следовательно и определенных прав, обязанностей, обязательств, требований, норм, санкций. Сёрль пишет в этом отношении, что не существует институциональных фактов без соответствующего деонтологического наполнения². Наличие заданных институтом условий налагает на человека обязательства: если в шахматах игроку объявлен шах, он должен вывести из-под него короля; если футболист получил две желтые карточки, он должен покинуть поле, и т. д.

В основании институционального подхода Сёрля лежат следующие положения:

- классическая картина не способна учитывать институциональные факты;
- институциональные факты существуют в системах конституирующих правил;
- некоторые системы конституирующих правил включают в себя обязанности, обязательства и т. д.;
- в некоторых из этих систем «должен» может быть выведено из «есть»³.

² Searle J.R. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford, 2010. P. 91.

³ Searle J.R. Speech Acts. Cambridge, 1969. P. 186.

Ярким примером, демонстрирующим деонтологическое наполнение институциональных фактов, для Сёрля служит акт обещания. Он возможен только при условии существования института обещания и вписан в систему определенных конституирующих правил, признавая которые человек принимает на себя и соответствующие обязательства. «Обещание по определению – создание обязательства; а обязательство по определению – основание для действия», – утверждает по этому поводу Сёрль⁴.

Именно на примере обещания Сёрль пытается показать, как возможен переход от грубого факта к институциональному, а от него – к нормативному выводу. Сёрль описывает логические ступени перехода от «есть» к «должен» в такой форме:

(1) *Джонс произносит слова: «Я тем самым обещаю заплатить Вам, Смит, пять долларов».*

(2) *Джонс обещал заплатить Смиту пять долларов.*

(3) *Джонс принял на себя обязательство по уплате Смиту пяти долларов.*

(4) *Джонс несет обязательство заплатить Смиту пять долларов.*

(5) *Джонс должен заплатить Смиту пять долларов⁵.*

Возможность перехода от (1) к (2) связана с тем, что обещание – это перформативный акт. Дж. Остин в работе «Как производить действия при помощи слов» выделил целую группу перформативов, акт произнесения которых (при определенных условиях) расценивается как совершение действия⁶. Так, произнесение слов «клянусь», «благодарю» или «объявляю заседание открытым» обозначают соответственно клятву, благодарность или открытие заседания. Таким же образом фраза: «Я обещаю» равноценна акту обещания. Конечно, для того, чтобы произнесенная фраза стала действительным обещанием, требуется соблюдение определенных условий: обещающий должен быть в здравом рассудке, говорить серьезно, не находиться под действием гипноза, наркотиков и т. д. Для того чтобы эти условия были учтены, Сёрль вводит между (1) и (2) промежуточные посылки:

⁴ Сёрль Дж.Р. Рациональность в действии. М., 2004. С. 221.

⁵ Searle J.R. How to Derive «Ought» from «Is» // The Philosophical Review. 1964. Vol. 73. № 1, Jan. P. 44.

⁶ См.: Остин Дж. Как производить действия при помощи слов. М., 1999.

(1а) При определенных условиях С всякий, кто произносит слова: «Я тем самым обещаю заплатить Вам, Смит, пять долларов», обещает заплатить Смигу пять долларов.

(1б) Условия С соблюдены.

Следовательно от (1) можно логически перейти к (2) – тем самым из грубого факта произнесения определенных слов выводится институциональный факт.

Движение Сёрля к «должен» опирается на анализ значения слова «обещать». Сёрль полагает, что этот анализ не может считаться исчерпывающим, если не будет указано на то, что обещающий признает и принимает на себя обязательство выполнить определенные действия, обычно в пользу другого лица. Пообещав, человек не может отказаться от обязательств, предполагаемых институтом обещания (точно так же, как, начав партию в шахматы, он не может отказаться от соблюдения правил, не выходя при этом из игры). Следовательно, вполне обоснованной является следующая промежуточная посылка:

(2а) Все обещания суть акты принятия на себя обязательств выполнить то, что было обещано.

Эта посылка является аналитической (то есть тавтологической по сути), так как ее значение вытекает из самой дефиниции обещания. По мнению Сёрля, вполне возможен и непосредственный переход от (2) к (3), а посылка (2а) играет, скорее, разъясняющую, уточняющую роль.

Принятие обязательства (опять же по своему определению) обозначает, что человек несет его и должен предпринять определенные действия, направленные на его исполнение. Следовательно, при дальнейшем переходе от (3) к (4), а затем и от (4) к (5) можно добавить в рассуждение такие же тавтологические вставки:

(3а) Все те, кто принимают на себя обязательство, несут это обязательство.

(4а) Если кто-то несет обязательство сделать нечто, он должен это сделать.

Таким образом, из факта произнесения слова «обещаю» и анализа его значений Сёрль выводит отношение долженствования, проходя путь от дескриптивного высказывания к нормативному. Однако на этом пути нельзя исключить вмешательства таких внешних обстоятельств, которые могли бы сделать переход от одного высказывания к другому невозможным.

Предположим, Джонс принимает на себя обязательства по уплате Смиту денег, но впоследствии Смит по каким-то причинам освобождает Джонса от обязательств. В этом случае переход от (3) к (4) сделать будет невозможно, т. е. соответствующих обязательств Джонс нести уже не будет.

Сложности могут возникнуть и в том случае, если обязательство, которое несет Джонс, противоречит некому другому обязательству, имеющему большую обязывающую силу. Предположим, эти пять долларов можно потратить на лекарство, способное спасти жизнь ребенку Джонса. В этом случае Джонс все еще несет обязательство уплатить деньги Смиту, но это не значит, что он должен их заплатить (скорее наоборот, правильным будет отказаться от выполнения обещанного). Обязательство по уплате денег в этом случае рассматривается не более как обязательство *prima facie* – т. е. оно может рассматриваться как морально обязывающее только до тех пор, пока не возникло другое, более «сильное» обязательство. Сюда же можно отнести возможные ситуации, в которых действие, вытекающее из обещания, или последствия этого действия являются недопустимыми с точки зрения морали (скажем, Джонс пообещал без всяких на то причин нанести Смиту ущерб). Во всех этих случаях невозможным становится уже следующий шаг – переход от (4) к (5).

Для того чтобы исключить все эти случаи, Сёрль предложил между (3) и (4), а также между (4) и (5) расположить дополнительные посылки *ceteris paribus* («при прочих равных условиях»), чтобы подчеркнуть, что все условия (кроме оговоренных ранее) остаются идентичными, а изменению подлежат только непосредственно рассматриваемые явления и связи. В этом случае переходные посылки между (3) и (4) приобретают такой вид:

(3a) *Прочие условия остаются равными.*

(3b) *Все те, кто принимают на себя обязательство, при прочих равных условиях, несут это обязательство.*

Аналогичным образом при помощи посылки *ceteris paribus* осуществляется переход и от (4) к (5).

Необходимость обращения к фразе «при прочих равных условиях» в процессе вывода «должно» из «есть» вскоре стало основанием для критики позиции Сёрля. После статьи «Как вывести “должен” из “есть”» (в том же журнале и в том же году) появляется

статья Джеймса и Джудит Томпсонов «Как не вывести “должен” из “есть”», предполагающая, что именно в предложениях *ceteris paribus* скрыта искомая оценочная посылка⁷. Например, если при переходе от (4) к (5) наблюдается конфликт обязательств и более сильное обязательство (купить лекарство ребенку) «перевешивает» слабое обязательство (отдать пять долларов Смигу), это значит, что Джонс не должен отдавать деньги Смигу. Получается, что Джонс должен отдать деньги Смигу только в том случае, если нет причин, по которым он не должен этого делать. Предложение «при прочих неизменных условиях» оказывается оценочным, поскольку, отсекая все, что не должен делать Джонс, уже тем самым предполагает оценку его поступков по шкале «должен – не должен».

Сёрль признает, что такая трактовка предложений *ceteris paribus* возможна, однако точно так же возможна и иная ситуация, при которой никакого конфликта обязательств не существует, а потому не будет и необходимости в оценке. Наличия хотя бы одной такой «бесконфликтной» ситуации уже достаточно для того, чтобы доказать возможность перехода от «есть» к «должен». Впрочем, и в этом случае не совсем ясно, чем является условие «не наблюдается конфликта обязательств» – реальная ли это констатация факта или же оценка ситуации?

В любом случае, уже в «Речевых актах» Сёрль отказался от посылок *ceteris paribus*, поскольку, с одной стороны, они, по его мнению, относились к проблемам, внешним по отношению к тому, что можно вывести непосредственно из акта обещания, а с другой стороны, они послужили своеобразным «приглашением для критики», которую Сёрль посчитал нерелевантной. Формально не признав эту критику, Сёрль все же решил продемонстрировать иные, более понятные пути решения возникших затруднений.

Для того чтобы исключить случаи освобождения от обязательства, Сёрль предлагает убрать тот зазор во времени, в течение которого Смит мог бы освободить Джонса от его обещания. В новом варианте перехода от (3) к (4) Сёрль подчеркивает, что когда Джонс принимает на себя обязательство, он одновременно начинает нести его, то есть между этими фактами теперь не существует никакого временного промежутка:

⁷ Thompson J., Thompson J. How Not to Derive «Ought» from «Is» // The Philosophical Review. 1964. Vol. 73. № 4. Oct. P. 512–516.

(3а) Все те, кто принимают на себя обязательство (в то же самое время, когда они принимают его), несут это обязательство.

Для большей наглядности Сёрль предлагает поставить перед каждым из предложений с (1) по (5) фразу «Во время t», которая должна подчеркнуть одновременность всех происходящих событий. Теперь, если даже впоследствии Джонс и освободят от обязательств, это уже не будет иметь никакого влияния на ход доказательства.

Альтернативный вариант решения проблемы перехода от (3) к (4) предлагает У.Д.Хадсон, предлагая включить условие, согласно которому тот, кому обещают, не освободил обещающего от обязательств, в список множества условий С, которые были введены ранее, а именно в посылке (1b)⁸. Однако, хотя такая оговорка и позволяет формально разрешить проблему, она не может быть применена на участке перехода от (1) к (2), поскольку наличие или отсутствие такого условия никак не влияет на признание факта произнесения фразы «я обещаю» реальным обещанием, за что, собственно, и отвечает посылка (1b).

В любом случае, даже если переход от (3) к (4) и представляется возможным без привлечения оценочных посылок, это не гарантирует легкости выведения «должен» из «есть». Уже на следующем шаге – в процессе перехода от (4) к (5) исследователь сталкивается с еще более серьезными затруднениями. Именно на этом участке концентрируются вопросы, относящиеся к важным нравственным проблемам – какие обязательства имеют большую моральную силу, как могут оцениваться последствия обещания с позиции добра и зла и т. д. Сначала Сёрль пытается показать, что посылка *ceteris paribus*, даже расцененная в качестве оценочной, не мешает процессу выведения «должно» из «есть». Например, ее можно убрать из позиции (4а) и соединить с заключительным положением (5). Последнее в этом случае будет выглядеть так:

(5) При прочих равных условиях, Джонс должен заплатить Смиту пять долларов.

Теперь совершенно неважно, является ли фраза «при прочих равных условиях» оценочной. По условиям вывод (5) и должен быть оценочным. При этом Сёрль приходит к нему без использования оценочных посылок – что и следовало доказать в процессе

⁸ Hudson W.D. *Modern Moral Philosophy*. L., 1983. P. 272.

рассуждений. Другое дело, что итоговое «должен» звучит здесь не категорически (если использовать терминологию Канта), а скорее гипотетически. Эта фраза может быть прочитана так: «Если все прочие условия являются неизменными, Джонс должен заплатить Смицу». То есть, хотя «должен» и выводится из «есть», его моральный статус остается весьма расплывчатым.

В итоге, полностью отказавшись от посылок *ceteris paribus*, Сёрль предлагает переформулировать итоговое предложение так, чтобы оно звучало категорически. Он полагает, что возможны две интерпретации (5):

5' *В отношении своего обязательства заплатить Смицу 5 долларов Джонс должен заплатить Смицу пять долларов.*

5'' *Принимая все во внимание, Джонс должен заплатить Смицу пять долларов.*

Очевидно, что (5'') нельзя вывести из (4) без дополнительных посылок, но также очевидно и то, что (5') из (4) выводится без особых затруднений. Этого уже достаточно для доказательства возможности перехода к «должен» от «есть», при этом итоговое «должен» звучит категорически: Джонс должен заплатить деньги не ради чего-то и не при определенных условиях, а просто потому, что он должен выполнить свое обещание.

При желании можно переформулировать и посылку (4а), чтобы уточнить характер перехода от (4) к (5'):

(4а) *Если кто-то несет обязательство сделать нечто, он, в отношении своего обязательства, должен это сделать.*

В итоге Сёрль приходит к конечной точке пути без использования оценочных посылок. При этом он демонстрирует связь понятий «обещать», «обязанность», «должен» и выводит на этом основании ряд положений, основываясь на последовательном разворачивании словарных значений. Две сложности на этом пути, связанные с освобождением от обязательств и их отменой другими обязательствами, Сёрль решает в одном случае указанием на одновременность рассматриваемых процессов, а в другом – пояснением, что долженствование необходимо рассматривать только в отношении принятого обязательства.

Хотя проблема с посылками «при прочих равных условиях» была в основном решена (правда, процесс доказательства стал при этом несколько более громоздким и запутанным), это не оста-

новило критиков Сёрля от поисков скрытой оценочной посылки. Так, Э.Флу полагает, что при переходе от (1) к (2) и далее Сёрль совершает подмену значения слова «обещать»⁹. В первом случае обещание рассматривается с точки зрения незаинтересованного наблюдателя, для которого оно – просто произнесение определенных слов, а во втором – с точки зрения человека, вовлеченного в соответствующий институт, для которого обещание (как это видно из следующего положения) предполагает принятие на себя определенных обязанностей. Чтобы действительно перейти от (1) к (2), необходимо указать, что Джонс, произнося слова «я обещаю», действительно собирался взять на себя обязательства. Такая дополнительная посылка (1а) и должна стать искомым оценочным утверждением.

На это возражение Сёрль отвечает, что слово «обещать» не является настолько многозначным, чтобы было возможным совершать подмену первого смысла этого слова («произносить определенные слова») вторым смыслом («брать на себя обязательства»). Первого смысла попросту не существует: такого буквального значения глагола «обещать», как «произносить определенные слова», нет ни в одном словаре. «Обещать» значит «брать на себя обязательства». Соответственно, человек, произносящий: «Я тем самым обещаю» не описывает что-либо, а осуществляет перформативное высказывание, то есть фактически дает обещание.

Критики также могут указать на то, что само слово «обещать» а priori содержит в себе оценку и поэтому *при переходе от (2) к (3)* во фразе «принял на себя обязательство» попросту актуализируется нормативная характеристика, изначально присутствовавшая в этом слове. Она и используется в качестве скрытой нормативной посылки.

В таком случае, однако, ход доказательства даже упрощается. Предложение (1), где констатируется факт произнесения Джонсом слов обещания, очевидно является дескриптивной посылкой. Если из него логически вытекает предложение (2), где индикатор оценочности выступает слово «обещал», то Сёрль достиг своей цели – вывел оценочное положение из дескриптивного – что и требовалось доказать. При этом для этого потребовался только один шаг.

⁹ Flew A. On Not Deriving «Ought» from «Is» // Ethics: the Big Question / Ed. by J.P.Sterba. Oxford, 1998.

К.-О. Апель, анализирующий «гильотину Юма» в «Априори коммуникативного сообщества», обращает внимание на переход от (3) к (4): «...ошибочно следовать Дж. Р. Сёрлю, интерпретируя... констатацию “институционального факта” в качестве вывода “долженствования из бытия”. Ибо наше суждение о том, что для всякого, кто берет на себя обязательство, существует некая обязанность, не тождественно эмпирической констатации, что упомянутый субъект взял на себя обязательство: наше суждение выводится не только из этой констатации, но из нее и из нормативной предпосылки, что обязательства следует исполнять, если этому не мешают более важные обязательства»¹⁰. Здесь под сомнение ставится возможность перехода от (3) к (4) без скрытой (но подразумеваемой) оценочной посылки.

Сёрль, впрочем, полагает, что в такой оценочной посылке нет необходимости, а переход от (3) к (4) – простая тавтология. Все обещания по определению суть акты принятия на себя неких обязательств. Поэтому Джонс и взял на себя обязательства. Точно так же из высказывания «X – это треугольник» логически следует высказывание «X имеет три стороны» и для констатации этого факта нет необходимости вводить оценочные предпосылки; он вытекает уже из словарного значения слова «треугольник».

Л.Зайберт подвергает подход Сёрля критике по иным несколько основаниям, рассматривая, прежде всего, переход от (4) к (5). То, что некто взял на себя определенное обязательство, еще не значит, что появляется моральное долженствование, связанное с необходимостью выполнить обязательство. Зайберт пишет: «Из чисто дескриптивных утверждений Сёрль действительно выводит оценочное утверждение, но не моральное утверждение»¹¹. Иными словами, то «должен», которое выводит Сёрль, вытекает из правил, конституирующих институты, – это смысл «должен», который употребляется в шахматах (я должен увести короля от шаха) или в правилах дорожного движения (я должен ехать по правой стороне дороги, если я нахожусь не в стране с левосторонним движением). По сути, такое «должен» никак не связано с моральным долженствованием.

¹⁰ Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества // Трансформация философии. М., 2001. С. 317.

¹¹ Zaiibert L. Intentions, Promises and Obligations // Contemporary Philosophy in Focus: John Searle / Ed. by B.Smith. Cambridge, 2003. P. 68.

Действительно, в «Речевых актах», отвечая на критику по поводу посылок *ceteris paribus*, сам Сёрль пишет: «Ничто в моем подходе не предполагает., что тот или иной институт должен быть одобрен или осужден. Все, что я хочу сказать, – это то, что когда человек вступает в деятельность института, предполагающую осуществление институциональных правил, он с необходимостью берет на себя определенные обязательства вне зависимости от того, одобряет он или осуждает этот институт»¹². Между тем те вопросы, которые представляются Сёрлю нерелевантными и внешними по отношению к его аргументам – нужно ли подвергать моральной оценке сам институт или при каких условиях и ради чего человек должен отказаться от своих обязательств – как раз и имеют непосредственное отношение к моральному долженствованию. Отказываясь от анализа этих вопросов, Сёрль одновременно отказывается и от решения проблемы моральной философии, заменяя его логико-лингвистическим анализом смысла слов, не обладающих четко определенным значением.

Кроме этого, определенный интерес в контексте поисков решения проблемы «есть» и «должен» представляет критическая позиция П.Сингера, выраженная в статье 1973 г. «О тривиальности споров по поводу “есть – должен” и определения морали»¹³. Она не направлена конкретно против позиции Сёрля, а ставит под вопрос саму необходимость выведения оценочных предложений из констатации фактов.

На проблему «есть» и «должен» Сингер смотрит в более широкой перспективе, чем большая часть аналитических философов. По его мнению, дихотомия фактов и оценок является частью несколько более сложной системы, куда на правах третьего элемента (имеющего ключевое значение) должны быть отнесены и поступки (действия). Соответственно существующие подходы к морали должны оцениваться с точки зрения того, позволяют ли они человеку совершить переход не только от фактов к ценностям, но и далее – от ценностей к действиям.

Сингер показывает, что некоторые теории (которые он называет дескриптивистскими (или натуралистскими) обосновывают возможность перехода от фактов к ценностям, но при этом демон-

¹² Searle J.R. *Speech Acts*. P. 189.

¹³ Singer P. *On Triviality of the Debate over «Is-ought» and the Definition of «Moral» // Unsacred Human Life*. Oxford, 2002. P. 17–26.

стрируют неспособность аргументированно доказать возможность перехода от ценностей к действиям. На другой стороне этического спектра находятся нейтралистские (субъективистские) теории, которые успешно преодолевают разрыв между моральными ценностями и поступками, но не усматривают возможности для преодоления пропасти между фактом и ценностью, «есть» и «должен». Все промежуточные варианты теорий также в той или иной мере воспроизводят ту же ситуацию, где предоставление возможности для преодоления одного разрыва одновременно закрывает возможность для преодоления другого.

Сингер полагает, что в подобной ситуации нужно отказаться от попыток переубедить друг друга и перейти от метаэтических споров к более важным практическим проблемам. «Ни одно определение морали, – пишет он, – не способно преодолеть пропасть между фактами и действиями. Никакое определение также не имеет важных преимуществ перед другими, достаточно убедительными определениями, предложенными ранее. Из этого следует, что споры по поводу определения морали и проблемы «есть – должен» – это споры по поводу слов, которые не способны вести к решению важных проблем»¹⁴.

В контексте истории этики позиция Сингера достаточно знаменательна. Он яркий представитель той генерации моральных философов, которые инициировали масштабную «смену парадигм» в этике XX в., обосновав переход от метаэтических вопросов к прикладным проблемам (сейчас Сингер более всего известен как классик экологической этики). Прикладная этика отодвинула проблему «гильотины Юма» на маргиналии моральной философии, выдвинув на первое место проблему действия.

Во многом научные перспективы проблемы, поставленной Юмом, сейчас зависят от того, смогут ли ее исследователи посмотреть на нее с более широкой («деятельностной») точки зрения, обозначенной Сингером. У подхода Сёрля в этом аспекте имеются определенные преимущества. Отличительной особенностью его концепции выведения «должен» из «есть» является то, что она суть интегральная часть разрабатываемой Сёрлем системы анализа социальной реальности, социальных институтов и социальных

¹⁴ *Singer P. On Triviality of the Debate over «Is-ought» and the Definition of «Moral».* P. 25.

действий. Не менее важно то, что эта концепция продолжает развиваться и углубляться по сей день вместе с развитием всей системы и с учетом критических замечаний оппонентов. Это дает повод надеяться на раскрытие новых прикладных аспектов проблемы «гильотины Юма» и, следовательно, на возможное возрождение интереса к дальнейшему исследованию этой темы в этике.

Библиография

1. *Анель К.-О.* Априори коммуникативного сообщества // *Анель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001.
2. *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов. М.: Идея-пресс, 1999.
3. *Сёрль Дж.Р.* Рациональность в действии. М.: Прогресс-традиция, 2004.
4. *Anscombe G.E.M.* On Brute facts // *Analysis*. 1958. № 18. P. 69–72.
5. *Flew A.* On Not Deriving «Ought» from «Is» // *Ethics: the Big Question* / Ed. by J.P. Sterba. Oxford, 1998.
6. *Hudson W.D.* Modern Moral Philosophy. L.: McMillan, 1983.
7. *Searle J.R.* How to Derive «Ought» from «Is» // *The Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. № 1.
8. *Searle J.R.* Making the Social World: The Structure of Human Civilization. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
9. *Searle J.R.* Speech Acts. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969.
10. *Singer P.* On Triviality of the Debate over «Is-ought» and the Definition of «Moral» // *Unsanctifying Human Life*. Oxford, 2002.
11. *Thompson J., Thompson J.* How Not to Derive «Ought» from «Is» // *The Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. № 4.
12. *Zaibert L.* Intentions, Promises and Obligations // *Contemporary Philosophy in Focus: John Searle* / Ed. by B.Smith. Cambridge, 2003.